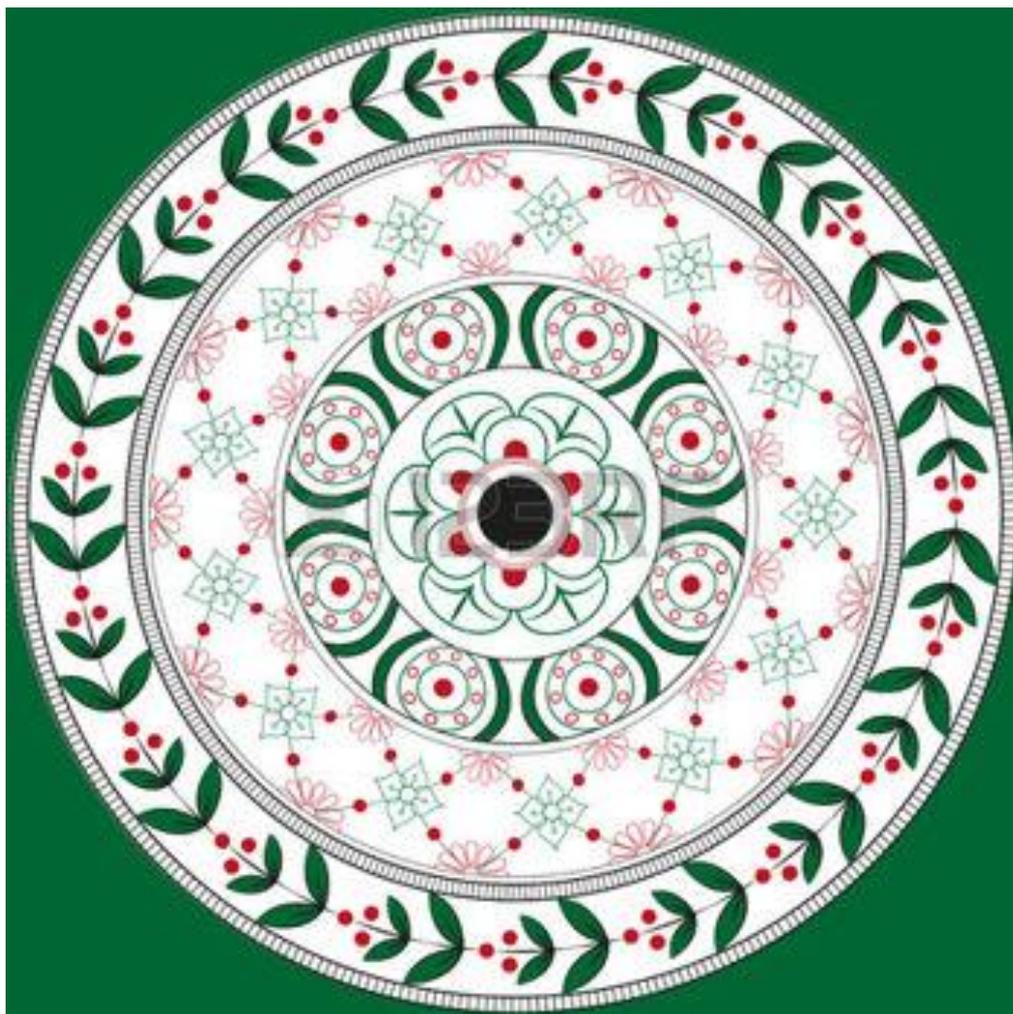

Министерство образования и науки Российской Федерации
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
Таврическая академия
Кафедра новой и новейшей истории

«Славистические чтения»

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

11 ноября 2015 г., г. Симферополь

«Славистические чтения»: материалы международной научно-практической конференции, 11 ноября 2015 г., Симферополь / кафедра новой и новейшей истории, Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; отв. за выпуск Д. В. Дорофеев. – Симферополь: [Б. и.], 2015. – 22 с.

В сборнике размещены материалы международной научно-практической конференции «Славистические чтения», которая прошла 11 ноября 2015 г. в г. Симферополе на базе кафедры новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

Материалы приведены в авторской обработке.

Редакционная коллегия не несет ответственности за взгляды авторов, изложенные в материалах конференции.

Редакционная коллегия:

Щевелев С.С. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

Дорофеев Д.В. – кандидат политических наук, доцент, кафедра новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

СОДЕРЖАНИЕ

Циватый В.Г. «БОЛГАРСКИЙ ФАКТОР» В ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЕ ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И ТОРГОВЫХ КООРДИНАТ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ XVIII ВЕКА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ 3
Дорофеев Д.В. ИНИЦИАТИВА СОЗДАНИЯ «ЛИГИ НЕЙТРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ», КАК ФАКТОР ДЛЯ ГЕНЕЗИСА АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ОЦЕНКИ И ПОДХОДЫ В КОНТИНЕНТАЛЬНОМ КОНГРЕССЕ 8
Носов В.А. СЛОВЕНСКАЯ КАМПАНИЯ ЮГОСЛАВСКОЙ НАРОДНОЙ АРМИИ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ 12
Косован Е.А. «УКРАИНСКИЙ ВОПРОС» ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ ГЕРМАНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ. 16
Агатова М.А. К ИСТОРИИ ВЕНЧАНИЯ НА ЦАРСТВО ПОСЛЕДНЕГО РУССКОГО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II И ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ НА СТРАНИЦАХ «ТАВРИЧЕСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ». (К 120-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ) 21

В.Г. Циватый

**«Болгарский фактор» в европейской системе политико-дипломатических
и торговых координат межгосударственных отношений XVIII века:
институциональный аспект**

Востребованной темой современных гуманитарных исследований является тема репрезентация политической власти, в контексте которой исследуются и анализируются взаимоотношения и институциональные взаимосвязи политической, дипломатической и социокультурной сфер деятельности человека в социуме европейского раннего Нового времени через символическую деятельность, символические практики и культурные коды.

Понятие практик (политико-институциональных, дипломатических, церемониальных и т.д.) представляет собой особый ракурс анализа человеческой социальной активности. Войдя в научный оборот сравнительно недавно, понятие практик и целый ряд близких ему понятий активно используются учёными в гуманитаристике. Практики осуществляются с использованием особых «инструментов» (особого или специального инструментария, например – дипломатического инструментария). В процессе своей профессиональной деятельности человек (н-р, дипломат), использует различные инструменты и подручные средства для достижения своих политико-дипломатических целей. В подручном мире вещи, атрибуты, знаки, символы, фразы повседневного языка выступают как инструменты, а человек – как умелый пользователь, обладающий соответствующим знанием или навыками, без которых ни один вид практической деятельности не был бы возможен [2].

Анализ практик даёт возможность исследователю понять образный, метафорический, интеллектуальный и, конечно, телесный, поведенческий, предметный инструментарий исторической эпохи или современности. Практики составляют условие любой целенаправленной деятельности и институционализируют, конституируют и воспроизводят идентичности или «раскрывают основные способы социального существования, возможные в данной культуре и в данный момент истории» [3].

Исследование политико-институциональных, дипломатических и церемониальных практик предполагает наличие процедуры описания, поскольку вне конкретной реальности поступков, слов, атрибутов и вещей, анализ практик невозможен.

Формы власти в политике, дипломатии, культуре и обществе многообразны, от прямого принуждения и насилия до внешнего свободного выбора в различных жизненных ситуациях, в основе которого лежат скрытые властные стратегии манипулирования. Власть является частью культурно-духовных структур общественного целого и, соответственно, детерминирована исторически и связана с различными видами практик той или иной эпохи. Власть нельзя рассматривать вне контекста её практик. А отношение к власти формируется во многом на основе её репрезентаций, которые рассеяны по всему культурному пространству и представляют собой социокультурные образы власти, символы власти и культурные коды.

В XVIII веке болгары компактно населяли территорию, входившую в состав Софийского, Видинского, Никопольского, Силистринского пашалыков Румелийского эялета. Расположенные в непосредственной близости от собственно турецких земель, они являлись форпостом Османской империи. Находившиеся в центре европейских владений султана и вблизи столицы империи болгарские земли были зажаты турками, и развитие их происходило в большей изоляции от европейского мира, чем развитие других балканских провинций Османской империи. Это наложило отпечаток на социокультурную и политико-дипломатическую жизнь болгар в условиях османского владычества и становление их как нации [7].

Институциональному развитию болгарских земель весьма мешали не только существовавшие ограничения для христиан, но и частые австро-турецкие войны, а во

второй половине XVIII века две русско-турецкие войны, особенно первая (1768-1774 гг.), в ходе которой военные действия велись на болгарской территории [8].

В тоже время важно отметить, что несмотря на крайне неблагоприятные условия, в XVIII веке социально-экономическое и политико-институциональное развитие болгарских территорий протекало опережающими темпами по сравнению с турецкой Малой Азией, хотя по сравнению с другими балканскими провинциями Османской империи – с опозданием и медленно. Это объясняется тем фактором, что болгарские территории оказались вовлечёнными в сферу формировавшегося европейского рынка с его новыми закономерностями и требованиями как элемент новой европейской системы международных отношений конца раннего Нового времени.

Северо-западные районы, благодаря их близости к европейским рынкам и торговым путям, развивались в культурно-политическом и экономическом отношении значительно продуктивнее других болгарских территорий. Позитивные количественные и качественные изменения во внутренней и внешней торговле болгарских земель появились ещё в первые десятилетия XVIII века. Именно в этот период торговые и политико-дипломатические связи Османской империи, особенно Восточного Средиземноморья и Балкан, с Западной Европой и Центральной Европой расширяются и приобретают более интенсивный характер. В этот период болгарские земли оказались в сфере французского и английского торгового проникновения через греческие порты Салоники и Кавалу. Этому также способствовало специальное торговое соглашение, заключённое в 1718 году в Пожареваце между Австрийской монархией и Османской империей. Оно кардинально изменило направление торговых путей и потоков товаров.

Подъём экономики и стабилизация политико-институционального развития болгарского общества на основе роста торговли и увеличение спроса на определённую продукцию сельского хозяйства вызвали специализацию сельскохозяйственных районов. Районами торгового скотоводства в болгарских землях в XVIII веке были Родопы, Средна-Гора и Восточная Стара-Планина, Пазарджикский, Пловдивский районы специализировались на производстве риса; Тырновский, Габровский, Горнаряховицкий, Врачанский, Ямболский – шелковичных коконов; Карловский, Казанлыкский – розового масла; Мелникский, Пловдивский, Поморский, Варненский, Видинский – вина и ракии; Добруджа становилась областью производства зерна, Северная Фракия – табака [4, с. 25-27].

Торговля Османской империи с Россией ещё с начала XVIII века осуществлялась в основном при институциональном посредничестве балканских торговцев, которые образовывали свою колонию в Нежине – так называемое «Нежинское братство». Среди них было много болгар, а их число значительно увеличилось во второй половине XVIII века. Нежинские болгары перевозили товары караванами из Нежина через Молдову и Валахию до Тырново, уже оттуда распределяли по другим внутренним областям и городам.

В Украину и в русские губернии нежинские торговцы везли прежде всего хлопчатобумажную пряжу, шёлк-сырец для русских мануфактур, табак, бакалейные товары, розовое масло, коконы шелкопряда, ковры, персидские шали, бисер и т.д. [5, с. 45].

Значительное развитие получили политико-дипломатические и экономические связи между Россией и болгарскими землями после подписания Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 году, завершившего русско-турецкую войну. После открытия Одесской пристани в 1794 году болгарские торговцы стали прочно обосновываться в Одессе. Многие болгарские торговцы переселились в другие страны и открыли свои конторы в крупных европейских городах и институционализировались в европейское торговое экономико-дипломатическое пространство. В Саксонии, Австрийской монархии, Молдавии и Валахии существовали болгарские торговые колонии, и число их на протяжении XVIII века постоянно увеличивалось. Их хозяйственно-экономическая

деятельность при более свободных политических и институционально-дипломатических условиях способствовала развитию внешнеторговых связей болгарских земель с Европой и имела важное значение для болгарского народа.

Во многих отношениях болгарские торговцы, обосновавшиеся за границей, оставались (особенно в первой половине XVIII века) тесно связанными с родными местами и живущими здесь родственниками. Постоянный контакт болгарских торговцев с крупными экономическими центрами и дипломатическими институциями европейских государств дал толчок оживлению хозяйственной жизни на родине, укреплению экономических и институциональных основ раннего болгарского возрождения. Болгарские торговцы порой выполняли функции консулов и защищали или отстаивали интересы своих сограждан за границей.

XVIII век характеризовался заметными изменениями и в жизни болгарских городов. Институциональные изменения в болгарских землях способствовали переселению крестьян в города, или способствовали образованию миграционных потоков из одной области болгарских земель в другие, а также в соседние балканские провинции и страны: Австрию, Валахию, Молдавию, Сербию и Россию. Города постепенно в течение второй половины XVIII века становятся центрами экономической и общественной жизни соответствующего района (например, Пловдив, Сливен, Неврокоп, Пазарджик, Горна, Джумая и др.).

Ряд болгарских городов к концу XVIII века становятся не только центрами балканской торговли, но и крупнейшими ярмарками в Европе, причём постоянно действующими (Сливен, Пловдив, Узунджово и др.). В последней трети XVIII века русские купцы ежегодно посещали Узунджовскую ярмарку. Варна в это время превратилась в крупный черноморский порт. Франция первой открыла здесь консульство.

Новым институциональным явлением в развитии болгарского общества XVIII века стало появление в середине века крупных болгарских купцов. На базе экономических и социальных изменений, а также расширявшихся связей с европейскими рынками формировалась новая торговая прослойка, получившая в конце XVIII века институциональное и юридическое оформление. Для неё был создан правовой статус так называемых европейских торговцев, которые получали султанские бераты, дававшие право свободного передвижения в пределах империи. Это были люди, тесно связанные с европейскими рынками.

Такая торговая прослойка оказалась передовым отрядом болгарского общества эпохи национального возрождения. Именно она с её широкими международными связями и созданным благостоянием заложила основы болгарского просвещения XVIII-XIX веков [7].

Идеологической основой господства османов над болгарскими народами, как и другими покорёнными народами, был ислам. Единственным фактором, поддерживавшим у болгар традиции веры и народа, выступала местная христианская церковь. Сохранение своей веры стало одной из основных задач в условиях политического, институционального и духовного порабощения. Сопrotивление натиску ислама объединяло болгар-христиан независимо от их принадлежности к православной или католической конфессиям.

С ослаблением Османской империи возрастали надежды Габсбургов на изменения бифуркационных точек в политико-дипломатической системе координат межгосударственных отношений и включение в свои владения балканских земель, в том числе и болгарских. Средством упрочения влияния Австрийской монархии была широко развёрнутая в болгарских землях католическая миссионерская деятельность. Среди проповедников католицизма были выдающиеся организаторы и политики, дипломаты и торговцы, крупные деятели западной культуры, подвижники, заботившиеся о просвещении болгар, сохранении славянской грамоты, искренне стремившиеся содействовать освобождению болгарского народа от османского рабства. Однако конечной целью этих социально-общественных практик неизменно было обращение

болгар в католицизм и, разумеется, их подчинение (в случае успеха) Габсбургам [9, с. 30-37].

В условиях османского господства хранителями и пропагандистами родного языка, традиций, культуры оставались немногие сохранившиеся монастыри и в известной степени низшее духовенство, священники-болгары, тесно связанные с крестьянскими массами. Они не выделялись просвещенностью и не слишком отличались от своих прихожан, но именно они переписывали церковные книги, совершали богослужение на церковнославянском языке. В городах со значительным болгарским населением, в отдельных зажиточных сёлах и старых уцелевших монастырях вызревали условия для институционального, национального и культурного возрождения болгар. Среди монастырей следует в первую очередь отметить Рильский и афонские монастыри – Святогорский, Ватопедский, Зографский, Хилендарский. Монастыри были таким местом, где болгары приобщались к мысли о народном единстве. Монастыри также были активными распространителями образования. Именно из монастырской среды вышли первые просветители болгарского народа и видные представители болгарского культурно-национального Возрождения, политики и дипломаты, внесшие большой вклад в развитие болгарской литературы, образования, музыки и международного статуса болгарских территорий [6, с. 196-201].

К концу XVIII века первенство от Афона переходит в Рильский монастырь, который становится центром духовной жизни болгар. В это время особое значение имела Рильская книжная школа. Наиболее ярким её представителем был Никифор Рильский. Именно в его переписи 1772 года автором «Истории славяноболгарской» указан Паисий Хилендарский. Никифор Рильский вошёл в историю болгарской литературы как автор произведений на родном народном языке. В его сборники включены жития Иоанна Рильского, Петки Тырновского, Кирилла Философа и многих других известных болгар [1, т. II, с. 88].

Таким образом, XVIII века стал основополагающим в институциональном становлении основ болгарского национального Возрождения. К концу XVIII века Болгария добилась успехов в вопросах укрепления своего международного положения в торговой и политико-дипломатической системе координат межгосударственных отношений и общественных практик конца раннего Нового времени. Этот фактор стал определяющим для возможного продолжения успешной борьбы за создание своей государственности и институционального развития органов внешних сношений. Болгарское общество стояло на пороге новых трансформационных, политико-дипломатических и институциональных преобразований в Европе и европейской системе международных отношений.

Список использованных источников

1. Ангелов Б. Съвременници на Паисий / Б. Ангелов. – София, 1963. – Т.1-2.
2. Блохина Е.А. Символическая деятельность и символические практики: концептуальный аппарат изучения репрезентации власти / Е.А. Блохина // Современные научные исследования и инновации. – 2011. – № 4.
3. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик / В.В. Волков, О.В. Хархордин. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.
4. Дойнов Ст. Българското националноосвободително движение: 1800-1812 гг. / Ст. Дойнов. – София, 1979.
5. История България. – Т. V. – София, 1985.
6. Лукин П.Е. Славяне на Балканах в Средневековье: Очерки истории и культуры / П.Е. Лукин. – М.: Индрик, 2013. – 288с.
7. Макарова И.Ф. Болгарский народ в XV- XVIII вв.: Этнокультурное исследование / И.Ф. Макарова / отв. ред. А.В. Карасёв. – М.: КомКнига, 2005. – 192с.
8. Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII-XXI вв.: Российско-

- болгарские научные дискуссии. – М.: Институт славяноведения РАН, 2010. – 636с.
9. Ціватий В.Г. Інституціональний розвиток сербського суспільства в Австрійській монархії доби раннього Нового часу / Вячеслав Ціватий // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки: Збірник наукових праць / Інститут історії НАН України. – К., 2008. – Випуск 17. – С. 30-37.

Д.В. Дорофеев

Инициатива создания «Лиги нейтральных государств», как фактор для генезиса американо-российских отношений: оценки и подходы в Континентальном Конгрессе

Уже летом, в июле-августе 1780 г., делегаты были извещены о том, что российская императрица Екатерина II выдвинула в марте того года инициативу о создании Лиги вооруженного нейтралитета, в которую вошли Голландия, Россия, Дания, Швеция для защиты соей торговли от враждебных действий Великобритании. Эта информация была воспринята положительно в Континентальном Конгрессе, так лига создавала неприятности врагу. Р. Шерман (Конн.) и Б. Хантингтон (Конн.) считали: «Вооруженный нейтралитет столь многих могущественных держав в Европе совместно с волнениями в Англии никоим образом не обескураживает Штаты (США. – Д.Д.)».

Президент Континентального Конгресса С. Хантингтон (Конн.) отмечал, что российская инициатива лишала Великобританию возможности получить поддержку, особенно, у морских держав и германских государств.

Дж. Мэдисон (Вирг.) настаивал на том, что угроза столкновения Великобритании с коалицией нейтральных держав, приведет к перенапряжению британских ресурсов, что соответствовало американским интересам.

Лига нейтральных держав, подчеркивал Дж. Дуйн (Н.-Й.), побуждала британское руководство, особенно Парламент, вести обсуждение важной для американцев темы – признания независимости Соединенных Штатов. Игнорирование претензий членов лиги приведет к обострению их отношений с Великобританией. У. Шарп (С. К.) возлагал большие ожидания на конференцию нейтральных государств и воюющих держав.

Сам же текст «Декларации Императрицы России» был отправлен Дж. Адамсом в письме от 10 апреля 1780 г. и принят к рассмотрению делегатами 2 сентября 1780 г. Для рассмотрения информации был создан комитет в составе С. Адамса (Масс.), Дж. Джонса (Вирг.) и Дж. М. Скотта (Н.-Й.).

26 сентября 1780 г. комитет представила доклад, основной вывод которого сводился к тому, что Соединенные Штаты должны использовать инициативу в своих интересах. В результате рассмотрения этого тезиса, делегаты решили сообщить американским посланникам в Европе о желании США поддерживать инициативу Екатерины II. За такое решение проголосовало 54,5%, против – 44,5%.

Незначительное расхождение в результатах голосования привели к тому, что для формулирования более детальной позиции был создан комитет, который спустя десять дней, 5 октября 1780 г., делегаты заслушали доклад комитета. Новая редакция документа оставалась практически неизменной, поэтому в источнике дублировалась информация от 26 сентября 1780 г.: «(...) полномочные посланники Соединенных Штатов, если они будут приглашены, получают полномочия или же настоящим уполномочиваются принять к сведению правила, отвечающие духу упомянутой декларации, которые могут быть выработаны конгрессом, имеющим собраться в связи с приглашением ее в-ва. (...) направить копии упомянутых постановлений соответствующим посланникам Соединенных Штатов при иностранных дворах ...». Совет Адмиралтейства получал предписание подготовить инструкции американским судам действовать в соответствии с принципами декларации российской императрицы.

Такая реакция вытекала следствием из ряда обстоятельств, сложившихся на тот момент. Во-первых, США стремились оказывать воздействие на баланс сил в Европе. Зная то, что российская инициатива принята положительно руководством Испании и Франции, а также рядом европейских государств, в Континентальном Конгрессе стремились расширить пространство для дипломатического маневра на антибританской основе. Во-вторых, Соединенные Штаты получали предлог быть принятыми в России, которую американские отцы-основатели рассматривали в качестве противовеса Великобритании,

наравне с Францией и Испанией. В-третьих, необходимость расширить круг стран, признавших суверенитет и независимость США в мире, подталкивал делегатов на отправку миссии Ф. Дейна в Россию.

Однако после решения от 5 октября 1780 г. фактических шагов относительно реализации упомянутых действий не предпринималось на протяжении двух месяцев, до начала декабря 1780 г.

Тем временем, делегаты связывали большие надежды с тем, что конференция нейтральных держав окажет неблагоприятное воздействие на Великобританию.

При этом не все делегаты рассматривали принцип вооруженного нейтралитета, как средство заключения мира. В частности, Э. Корнелл (Р.-А.) подчеркивал: «Многое говорится по вопросу вооруженного нейтралитета и некоторых политики предполагают, что оно предвещает установление всеобщего мира. Признаюсь, я не являюсь оптимистом в своих ожиданиях на эту тему и могу заверить вас, сер, Конгресс не получил самый отдаленный официальный намек на то, что мир даже предполагается этими нейтральными державами».

У. Джонс (С. К.), признавая неопределенность результата Конференции нейтральных держав в Европе, придерживался идеи, согласно которой, возможно, нейтральные державы смогут продиктовать мир воюющим державам на основе сохранения нынешнего статус-кво.

Интерес к Лиге нейтральных государств получил дополнительный стимул благодаря тому, что 27 ноября 1780 г. делегаты получили донесения Дж. Адамса. Ознакомление с его содержанием подвигло делегатов к осознанию того, что Российская Империя играет ключевую роль в развитии этой организации. Дж. Дуэйн (Н.-Й) отмечал: «(...) это общее мнение, что Конвенция нейтральных держав будет иметь гораздо большее влияние на британский кабинет, чем красноречие Ангелов. Лорд Shelbourn в их Палате пэров заявил, что это должно было быть само собой разумеющимся, что Соединенные Штаты будут допущены к этой Конвенции как независимая нация. Действительно, все согласятся, что великие державы Европы, в целом, выступают за нашу свободу, и министерские писатели в конце своих публикаций скулят и жалуются, что все человечество неблагодарно, и что они остались без союзников, чтобы бороться против Франции и Испании, Америки (...)».

На рубеже осени-зимы 1780 г. в Континентальном Конгрессе все сильнее и сильнее укреплялось убеждение в том, что Лига нейтральных государств сможет оказать воздействие на британскую мощь: повлияет на позицию Португалии, которая отойдет от своего стратегического союзника, германские государства прекратят в будущем поддерживать Великобританию.

Причиной для возвращения к рассмотрению вопроса о развитии отношений с Россией, стало письмо А. Ли от 7 декабря 1780 г., представленное в Континентальный Конгресс, в котором подчеркивалось ключевое влияние России в конфедерации нейтральных государств и о необходимости развития отношений с этой державой. Для рассмотрения содержания письма был создан комитет в составе Т. Блэнда (Вирг.), Дж. Уитерспуна (Н.-Дж.) и Дж. Дуэйна (Н.-Й.). Результаты работы этого комитета повлияли на то, что 15 декабря 1780 г. делегаты приняли решение о направлении министра в Российскую Империю.

Сохранившееся письмо Дж. Уитерспуна (Н.-Дж.) от 16 декабря 1780 г., одного из трех членов комиссии, позволяет понять логику рассуждений делегатов: «Конгресс единогласно решили послать представителя во Двор Петербурга, они согласились на двух расчетах, во-первых, потому что все министры иностранных дел рекомендовали это, и, во-вторых, потому что весьма ясно, что Двор Петербурга [будет?] имеет очень большое влияние на настоящую войну и, вероятно, по окончании ее, предпишет условия (мирного договора. – Д.Д.) Франции и Англии».

Несмотря на несохранившуюся информацию о результатах голосования и борьбы за пост, в источниках существует весьма скудное освещение этой темы. В письме О. Уолкотта (Конн.) от 18 декабря 1780 г. отмечалось: «Голосование отправить министра в Россию состоялось, но не с серьезным сопротивлением, при рассмотрении влияния этого Двора на общие вопросы Европы (...)».

Голосование по кандидатурам состоялось 19 декабря 1780 г. В результате выборов на должность министра США в Россию был избран Ф. Дана. Причина избрания именно Ф. Дана заключалась в том, что американская финансовая система не могла позволить себе дополнительные затраты на отправку посла в новую страну. Еще до голосования, Дж. Уитерспуна (Н.-Дж.) отмечал: «Особа (американский посланник в Россию. – Д. Д.), по всей вероятности, будет г-н Дана, потому что он в настоящее время в Голландии и может приступить там с небольшими дополнительными расходами».

Кандидатура Ф. Дейны вызвала значительную критику у части делегатов. Одним из таких противников был Дж. Ловелль (Масс.): «Маленький джентльмен направляется министром в Россию. Мне не нравятся эта мера, поскольку считаю ее лишней после разбирательств, при которых были направлены все полномочные представители. Я боюсь, что он найдет себя проблемными перед двумя причинами: бремя дела, само по себе, и желание такового». Дж. Ловелль выражал скепсис относительно вероятности принятия им этой миссии.

С. Джонстон (С. К.) был более открыт в своих язвительных колкостях: «(...) неизвестно, как он может быть встречен, но общее мнение таково, что пожилая женщина (Екатерина II. – Д. Д.) не будет недовольна комплиментом».

Факторы, связанные с возрастом посланника и его пребыванием в Европе, экономии денежных расходов на дипломатическую миссию, имели важное значение, но, навряд ли, они перевешивали то обстоятельство, что Ф. Дана был секретарем Дж. Адамса.

Тем не менее, в тексте «Поручение почтенному Фрэнсису Дейне» дипломатические полномочия американского министра определялись весьма в лаконичной форме: он получал право присоединить США к конвенции нейтральных и воюющих держав по защите торговли и международного права при помощи подписания договоров с одной или несколькими державами (включая Российскую Империю. – Д. Д.). Подписание договоров или конвенцию о защите торговли от произвола британского двора планировалось осуществить в трех вариантах: 1) либо с Российской Империей и другими нейтральными государствами на основе провозглашенной конвенции Екатерины II, которая должна была признать «(...) суверенитет и достоинство Соединенных Штатов, как свободной и независимой нации (...)», 2) или с Российской Империей и другими нейтральными державами (но не воюющими державами. – Д. Д.), 3) или, если не удастся первый и второй вариант, то подписать договор с любой нейтральной державой. Также предписывалось от имени Континентального Конгресса предложить российской стороне заключить договор о дружбе и коммерции, соответствовавший духу американо-французского договора от 6 февраля 1778 г..

Какой бы из вариантов не имел бы места, следует отметить, что делегаты Континентального Конгресса принципиально обращали внимание на то, что Ф. Дейна мог подписать договор только после того, как официальные представители Российской Империи подтвердили бы согласие и поддержку двора, «... дабы Соединенные Штаты были официально приглашены или допущены присоединиться к вышеупомянутой конвенции в качестве основного участника и независимого государства».

Несмотря на принятое решение, делегаты были лишены уверенности в том, что руководство Российской Империи благоволит пойти с ними на дипломатический контакт. Более того, этим шагом делегаты испытывали опасения нарушить американо-французские отношения. В частности, в «Инструкции президента Континентального Конгресса С. Хантингтона Ф. Дана, назначенному посланником в С.-Петербург» от 18 декабря 1780 г. отмечалось: «1. Сообщите о ваших полномочиях и указаниях нашим посланникам при

дворе Франции, а также тем, кто направлен туда для заключения мира, и воспользуйтесь их советами и сведениями. Возможно, будет благоразумным выяснить через них мнение на этот счет французского двора. 2. Сообщите об основной цели вашей миссии посланнику его христианнейшего в-ва при петербургском дворе и постарайтесь с его помощью определить отношение ее и. в-ва или ее правительства к Соединенным Штатам. 3. Если результаты ваших расспросов позволят вам надеяться на достойный прием, тогда вам надлежит заявить о своем официальном положении и вручить верительные грамоты в соответствии с обычной практикой».

Для делегатов было принципиальным изучить Российскую Империю, как объекта внешней политики США, по этой причине Ф. Дана предписывалось сосредоточить усилия «(...) чтобы в совершенстве изучить манеры и этикет двора, при котором вы находитесь, в особенности по части дипломатии, ознакомиться с промышленностью и торговлей этой империи, и сообщать в донесениях, как и на каких условиях обе страны могут быть полезны друг другу и использовать на благо их достижения в торговле, политике, искусствах или в сельском хозяйстве» .

Миссия Ф. Дана получила весьма скромное финансирование: суме его годового содержания была установлена Континентальным Конгрессом 20 декабря 1780 г. в размере 1,5 тыс. фунтов стерлингов.

Обратить внимание следует на определение дипломатического статуса американского посланника в Российскую Империю, вокруг которого развернулась дискуссия.

21 декабря по инициативе Дж. Дуэйном (Н.-Й.) и Дж. Руута (Конн.) встал вопрос об определении дипломатического статуса Ф. Дана: в принятых документах образовалось расхождение. Если в решениях от 18 декабря 1780 г., должность определялась как «министр» («minister»), то в решении от 20 декабря 1780 г. фигурирует название «полномочный министр» («minister plenipotentiary») и «чрезвычайный посланник» («envoy extraordinary»). В результате рассмотрения этого вопроса, делегаты пришли к мнению о том, что американский представитель в российском государстве должен обладать статусом «министра».

В целом, инициатива Екатерины II о создании Лиги нейтральных государств стала предпосылкой для генезиса и развития отношений между США и Россией. Фактически, без нее точка отсчета сближения между двумя государствами явно не получила бы свой старт с миссии Ф. Дана в Российскую империю.

Носов В.А.

Словенская кампания Югославской Народной армии: штрихи к портрету

Десятидневная война, начавшаяся 26 июня 1991 года, стала первой в серии войн, ознаменовавших распад Югославии. В литературе обычно уделяют основное внимание событиям на политическом фронте - переговорам между представителями сторон на высшем уровне, влиянию международного сообщества на этот процесс, реакции крупных игроков мировой политики.

Соответственно, неудачу Югославской народной армии (далее – ЮНА), сильнейшей армии Балкан, в деле обуздания самой небольшой из республик Югославии, обычно объясняют происками зарубежных политиков, параличом воли и слабостью институтов власти в самой стране, однако, на наш взгляд, ее просто использовали не для того, для чего предназначали.

Вооруженные силы имели в виду и возможность, что потребуются применять силу против сепаратистов. Весной 1991 уже был утвержден и подготовлен к действию план “Сутьеска-2” (“С-2”), но при этом за основу его были взяты традиционные планы по защите от вторжения НАТО [7, с. 7-10]. Предполагалось, что в момент, когда создастся угроза северным районам страны, армия возьмет под контроль пограничные пункты и аэропорт Любляны и продемонстрирует решительную готовность защищать территориальную целостность Югославии [9, р. 65], чем, как полагали, ситуацию удастся нормализовать.

Вместе с тем, ЮНА, традиционно готовившаяся защищаться от массированного вторжения и по мере надобности переходить к партизанским действиям, в этом-то конфликте и оказалась как раз в непривычной и нежелательной для нее роли: организатором массированного вторжения, борющимся с партизанскими действиями. Более того, в этом же положении она затем последовательно оказалась в трех подряд следующих конфликтах, где ей пришлось участвовать – войне в Хорватии, войне в Боснии и первой стадии косовского кризиса, чем, по-видимому, и следует объяснить ее не слишком впечатляющие результаты на поле боя.

Насколько можно судить, в генштабе имела место уверенность в необходимости применения силы по мере надобности, и сразу после провозглашения Словенией независимости следовало начинать действовать. Генералы, видимо, располагали настолько малым объемом информации, что просчитались даже с датой выступления, план по борьбе с сепаратизмом был составлен, исходя из того, что акт провозглашения независимости Словении будет обнародован, как было широко объявлено, 26 июня, и соответственно югославская армия должна была начинать 27 числа [11, р. 392], перенос провозглашения независимости на сутки вперед стал совершенно неожиданным, а у словенцев оказалось 24 часа на подготовку общественного мнения за рубежом. Сложно также понять, а сами генералы об этом ничего не говорят, почему следовало дожидаться момента провозглашения, после которого сочувствующие делу сепаратистов за рубежом могли пойти на дипломатическое признание их акта, что придавало бы конфликту совсем другой характер.

Вдобавок к тому, не очень ясной оказалась юридическая база предпринятых по случаю явной акции по демонтажу государства шагов. Коллективное президентство, высший орган власти СФРЮ, имевший право отдавать приказы на военную активность, на тот момент утратило способность полноценно отправлять свои обязанности [См. подробно: 12, р. 93; 8, р. 100; 6, р. 21, 23-24, 26-28], и поэтому формально акцию проводили с согласия федерального правительства и министерства обороны, что, вообще говоря, незаконно [11, р. 393], кое-кто из исследователей, сочувствующих сепаратистам, пробовал и объявить выступление военных государственным переворотом [4, р. 329]. По сообщению члена коллективного президентства от Хорватии Месича премьер-министр

Югославии Маркович ему звонил утром в день начала боевых действий и возмущался, что армия действует без его приказов и даже не потрудившись его поставить в известность [6, р. 84].

Часть офицеров не разделяла мнение о необходимости военной акции для умирения сепаратистов. Как потом оказалось, подполковник Лазарь Дражич исправно снабжал словенцев точными данными из штаба округа, а сам командующий округом Кольшек постфактум утверждал, что всячески саботировал инструкции генштаба, и, в частности, не допустил авиаударов широкого масштаба [10, р. 198], крупный исследователь словенской истории Кокс согласен с мнением, что офицерство словенских корней притормаживало активность армии [1, р. 82].

Так или иначе, подразделения ЮНА получили приказ поставить республику под контроль “всеми силами и средствами в соответствии с конституцией”. Армии был дан приказ не открывать огонь без “явной угрозы жизни военнослужащих”, а точная дефиниция определения отсутствовала, мероприятия по информированию личного состава о целях и задачах операции не проводились. Солдат Бахрутдин Калетович вошел в балканский фольклор своей крылатой фразой, видимо, описывающей общее настроение солдат, его журналисты телеканала “Ютел” спросили, что происходит, а он ответил “они как бы хотят отсоединиться, а мы им как бы не даем” [15, s. 13], ему перед выступлением колонны из пункта базирования объяснили, что воинская часть идет в Словению, “поскольку местные жители задумали менять пограничные знаки” [15, s. 13], и по общему согласию специалистов и очевидцев именно так неконкретно ставились задачи и как раз таким довольно смутным образом рядовые представляли себе, что происходит. В свете практически полного отсутствия подготовки личного состава к конфликту ничего удивительного нет в массовой сдаче призывников. Из 607 пленных, взятых в первые 5 дней конфликта, лишь 43 старше призывного возраста; только 4 старших офицера, 9 младших офицеров, только 1 гражданский служащий. В одном из эпизодов конфликта словенская сторона успешно уговорила сдаться экипажи сразу семи танков на погранпосту Вртожба, более 50 человек сдалось, хотя кое-кому удалось бежать в Италию [16, р. 40].

Возможности словенской ТО оказались для военных неожиданными, а словенский министр обороны Янез Янша, со своей стороны, удивлялся, почему, если армия каждый год аттестовывала командиров этой структуры, и, следовательно, прекрасно представляя, кто на что способен, в ходе конфликта эти познания никак не применяла [19, р. 144].

Не слишком адекватной представляется тактика вооруженных сил. В ходе конфликта военные в основном передвигались колоннами бронетехники, а театр военных действий представляет собой горную местность с узкими извилистыми дорогами, глубокими долинами и густыми лесами; такое соотношение обеспечивает обороняющимся почти идеальные условия. Как правило, командир подразделения, обнаружив баррикаду или искусственный затор на дороге, отдавал приказ об остановке и затем остановившуюся бронетехнику расстреливали с господствующих высот в соответствии с мировой практикой такого рода боев. Силовики занимали изолированные друг от друга локации, в основном на рубежах республики, не имея планов на их оборону и не располагая ни запасами для того, чтобы выдержать длительную осаду, ни резервов для поддержания своих коммуникаций открытыми.

Не блестяще себя показала авиация, ЮНА пробовала вывести из строя ретрансляторы радио- и телесетей на территории республики с помощью авианалетов, но не слишком преуспела [16, р. 82], а решительные акции, на которых настаивали “ястребы” в штабе вооруженных сил [5, р. 180], так и не были одобрены, и следует предположить, что с учетом общего скорее сочувственного настроения стран Евросоюза в отношении словенских сепаратистов, такие удары, тем более против противника, действующего малыми мобильными группами в плотной застройке, были бы форменной пиар-

катастрофой. А план такой имелся, и презентация отдельных его фрагментов журналистской общественности оказался прекрасным пиар-ходом [19, р. 144-145].

Почетное место в сложившейся вокруг конфликта мифологии занимает эпизод с борьбой ТО против высадки сил специального назначения к северу от Любляны, включавший облаву, погоню и перестрелку [17, р. 57; 3, р. 165]. Этот эпизод стоил жизни 4 солдатам ЮНА, 2 ТО* и гражданскому лицу [16, р. 18] – возможно ли, чтобы подразделение, подготовленное для действий в тылу противника, понесло такие потери? Но, как потом оказалось, в высаженной группе реальных спецназовцев почти и не было, а в основном совсем слабо обученные призывники.

Сложно отделаться от впечатления, что организаторы операции не только недооценили противника и ситуацию, в которой оказались, но и воплощали свой замысел в жизнь с негодными средствами и без особого энтузиазма.

Словенских сепаратистов представляло формирование, созданное совершенно легально, построенное на базисе созданной еще в 1968 году при армии структуры, известной как Территориальная оборона (далее - ТО). Предполагалось, что существование ТО, укомплектованной резервистами и энтузиастами, в случае войны усилит оборонительные порядки регулярной армии и ее отряды будут оказывать поддержку в военных акциях, переходя по мере надобности на партизанские акции [18, р. 237]. Словенские силы самообороны к моменту начала конфликта довольно далеко продвинулись по пути организации, но все равно находились де факто в стадии формирования, и опирались на весьма рудиментарную систему снабжения. Отряды сепаратистов размещались на ночлег и постой в общественных зданиях, как то школах, домах культуры, гостиницах [13, s. 37], и в принадлежащих частным лицам помещениях, на сеновалах, в сараях, в своих зонах ответственности. Транспортировка личного состава осуществлялась когда как - когда личными машинами, когда пешком, когда муниципальными автобусами [2, s. 35]. Лишь к 3 июля, по оценкам штабного персонала ТО, снабжение оружием личного состава можно было считать удовлетворительным [14, s 16]., т.е. в момент, когда конфликт фактически уже закончился. Однако, несмотря на очевидную слабость сепаратистов, им удалось вполне удовлетворительно нейтрализовать грозного оппонента, в первую очередь потому, что их подразделения готовились как раз к полуповстанческой модели активности – блокированию дорог, обстрелу противника из-под защиты лесных насаждений, диверсиям и саботажу, быстрым передвижениям малыми группами на театре военных действий, решительным атакам и оперативному выходу из-под ответных ударов [3, р. 76].

Обе стороны вступили в конфликт, находясь не в лучшей форме, однако на стороне словенских формирований самообороны было два значительных козыря – наличие понимания своих задач и соответствие условий, в которых им приходилось действовать, тем обстоятельствам, к которым их и готовили. ЮНА по своей доктрине не была приспособлена для тех задач, которые ей пришлось выполнять.

Список использованных источников:

1. Cox J. Slovenia. Evolving Loyalties. New York, 2005.
2. Jamnikar F. Doliški vod iz 28.samostojne Mislinske čete v Dravogradu // Veteran. St. 38-39. April 2009.
3. Janša J. Premiki. Nastajanje in obramba slovenske države, 1988-1992. Ljubljana, 1992.
4. Magaš B. The Destruction of Yugoslavia: Tracking the Break-Up 1980-92. London – New York, 1993.
5. Meier V. Yugoslavia: A History of Its Demise. London, 1999.
6. Mesić S. The Demise of Yugoslavia: A Political Memoir. Budapest, 2004.
7. Nanut K. Somrak generalov (2.del) // Vojaška zgodovina. Št.1/04, 2004. S. 7-10.
8. Nation R. War in the Balkans, 1991-2002. Honolulu, 2004.
9. Ramet S. Balkan Babel (4th ed.). New York, 2002.

10. Ramet S. Democratization in Slovenia – the Second Stage // Politics, Power and the Struggle for Democracy in South-East Europe. Cambridge, 1997.
11. Ramet S. The Three Yugoslavias: State-Building And Legitimation, 1918-2005. Bloomington, 2006.
12. Simić P. Civil War in Yugoslavia – the roots of disintegration // The Disintegration of Yugoslavia. Amsterdam, 1992.
13. Širnik M. Kaj se je dogajalo 27. in 28. junija 1991? // Veteran. St. 38-39. April 2009.
14. Šteiner A. Slovenske obrambne sile in glavne značilnosti v Slovenske osamosvojitveni vojni // Vojaška zgodovina. Št.2/04, 2004.
15. Teropšič T. Televizijska izjava iz Krakovskega gozda // Veteran vojne za Slovenijo. St. 13. Marec 2001.
16. The Battle for Slovenia (ed. Žnidaršič J.). Ljubliana, 1991.
17. Vojna v Sloveniji (ur. Krajnc B., Stojko T.). Ljubljana, 1991.
18. Yugoslavia. A Country Study (3rd ed.). Washington, 1990.
19. Zimmerman W. Origins of A Catastrophe. London, 1999.

Е.А. Косован

**«Украинский вопрос» во внешнеполитической доктрине Германии в
последней трети XIX – первой половине XX вв.**

«Украинский вопрос» в контексте внешнеполитических проектов Германии от ее объединения до раздела на ФРГ и ГДР до недавнего времени исследовался эпизодически. Текущая политическая ситуация вывела эту проблему на передний край современной новистики и поставила перед исследователями принципиально новые вопросы, а именно: когда возник «украинский вопрос», в чем его суть, каковы причины его возникновения, его эволюция, как данный проект связан с современными отношениями в треугольнике Россия-Германия-Украина.

Внешняя политика Германии в 1870-1940-е гг. исследована достаточно подробно, в том числе не раз рассматривался и украинский вопрос как составная часть германской внешнеполитической доктрины накануне и в период Первой и Второй мировых войн. Достаточно упомянуть работы А. Нордена, Ф. Фишера, А. Кураева, О. Нагорной, Д. Армстронга, В. Якобмайера, М. Семиряги, А. Гогуня [13; 14; 3; 5; 10; 12; 6; 1].

Отличительной особенностью всех этих работ является фокусировка внимания их авторов на германо-российских взаимоотношениях указанного периода. Нас же интересует украинская сторона, прежде всего - украинская политическая эмиграция как основной объект геополитических интересов Берлина.

Итак, в первую очередь необходимо установить, когда «украинский вопрос» стал актуальным для германской внешнеполитической доктрины. По всей видимости, отправной точкой здесь следует считать русско-турецкую войну 1877-1878 гг. Берлинский конгресс 1878 г. ясно показал, что Германия опасается усиления России на Балканах и особенно панславистской революции в этом регионе. Эти опасения подтолкнули Берлин к дунайской монархии и заставили заключить с Веной так называемый «двойственный союз», направленный против России (7 октября 1879 г.). Так начала оформляться «генеральная линия на сдерживание России со стороны Берлина и Вены на юго-восточном направлении», которая окончательно закрепились, по всей видимости, в 1884 г. - в результате «болгарского кризиса», общего роста популярности панславянских проектов и особенно распространения на запад влияния России. Все больший вес в Берлине стали приобретать различные проекты ослабления Российской империи, один из которых сводился к дестабилизации и революционизации ее национальных окраин.

Среди национальных окраин России Юго-Западный край занимал особое место. В 1887 г. будущий канцлер Бернхард фон Бюлов констатировал, что для ослабления «Московии» необходимо отрезать от нее украинские земли, открывавшие путь к черноморским проливам и поставлявшие хлеб, уголь, железо для империи [11, с. 30-31]. Эта идея согласовалась с набиравшим популярность в эти годы вариантом концепции «срединной Европы» (Mitteleuropa), который подразумевал объединение вокруг Германии государств, входящих в «межцивилизационный пояс», - Финляндии, Швеции, стран Прибалтики, Румынии и Украины. Это объединение, пангерманское по своей сути, должно было препятствовать распространению влияния России на запад.

Хотя А. Кураев предполагает, что именно в этот период могли быть установлены контакты между германским консулом в Киеве и представителями украинофильски настроенной национальной интеллигенции [3, с. 4], по всей видимости, в последние два десятилетия XIX в. германские политические элиты сами не предпринимали активных шагов к сотрудничеству с украинской интеллигенцией в России. Однако они поощряли антироссийскую агитацию, ведущуюся Австро-Венгрией среди украинофилов. С другой стороны, те представители украинского национального движения, которые были нацелены на отделение от России, в конце XIX-начале XX вв., не Берлин, а Вену воспринимали как возможного покровителя и гаранта создания независимой Украины.

Однако постепенно «украинская политика» Германии становилась все более смелой, а по мере приближения Первой мировой войны она начала приобретать все более четкие очертания и агрессивную сущность. Суть этой политики сводилась к максимальной дестабилизации обстановки на юго-западе России и недопущению такой дестабилизации в Австро-Венгрии, которой отводилась ключевая роль на будущем восточном фронте.

К 1914 г. план революционизации Юго-Западного края вполне сформировался и начал воплощаться в жизнь в формулировке рейхсканцлера Германской империи Теобальда фон Бетман-Гольвега, который считал основным средством «отбрасывания России назад, так далеко на восток, как это только возможно» создание буферных марионеточных государств между ней, Германией и Австро-Венгрией [14, с. 133]. Считая Российскую империю «историческим врагом» и «поработителем свободной Украины», стремящимся отобрать у украинского народа «национальную душу», значительная часть украинской эмиграции в Германии и Австро-Венгрии создала две организации - Головну українську раду (ГУР) и Союз Визволення України (СВУ) с целью поддержки Центральных держав.

Берлин поспешил наладить контакт с обеими организациями. И, как оказалось, не напрасно. К 1915 г. Вена охладела к плану создания независимой Украины, о чем красноречиво свидетельствовал план о создании Польского королевства, включающего украинские земли, и запрет на пропагандистскую деятельность СВУ среди украинских военнопленных. СВУ был вынужден перенести свою деятельность в Германию, где к этому времени создание независимого украинского государства стало частью проекта послевоенного устройства Европы. И характерным воплощением этой политической концепции по отношению к России в годы Первой мировой войны стала политика германских властей по отношению к военнопленным из числа нерусских народностей.

По мнению Генштаба Германии, «вне зависимости от того, будут ли достигнуты германские цели войны, в интересах империи поддерживать центробежные силы в России», для чего «представители различных национальностей должны настраиваться против существующего «автократически-деспотического режима» [5, с. 201]. Уже в начале 1915 г., по указанию МИДа Германии, украинцев стали отделять от русских военнопленных и помещать их в специальные «просветительские» и «агитационные» лагеря, условия содержания в которых считались привилегированными. С размещавшимися в этих лагерях пленными велась интенсивная агитационная работа силами немецких чиновников и представителей украинских эмигрантских организаций, прежде всего СВУ. СВУ старался как можно более убедительно донести до немецкого общества идею о том, что создание и поддержка независимой Украины является единственным средством защиты европейцев от российской агрессии. Таким образом, очевидно, что поощрявшийся в течение долгого времени принцип сервильности, закрепился в политическом поведении прогермански настроенных представителей украинского национального движения, что выражалось в готовности служить государству, которое берет на себя роль гаранта суверенитета Украины, то есть в данном случае Германии.

Слепая вера в то, что «вот немцы пришли, теперь наступит полный порядок, и все будет хорошо» [7, с. 132], привела к парадоксальной ситуации 1918 года. Стремясь к независимости, украинцы создали Украинскую народную республику (11 (24) января 1918 г.), которая была независимой только на бумаге. Она управлялась из Берлина, была фактически оккупирована германскими войсками и в целом была так тесно связана с Четверным союзом, что поражение последнего в Первой мировой войне вызвало в Киеве хаос и привело к распаду УНР.

Крах Украинской народной республики вызвал эмиграцию прогермански настроенных украинских политиков, военных, интеллигенции в Берлин. Так начался первый в XX в. массовый исход украинцев в Германию. И основная его причина

заклучалась в том, что план создания независимой Украины при военной и дипломатической помощи Берлина, несмотря на его очевидную несостоятельность, оставался актуальным как для украинских политиков, так и для многих их германских коллег, рассматривавших «украинский вопрос» как инструмент взятия военного реванша.

В 1920-е гг. «украинский вопрос» во внешнеполитической концепции Германии несколько видоизменился. Теперь он рассматривался как оружие в первую очередь против Польши, в пользу которой по Версальскому мирному договору 1919 г. была аннексирована значительная часть германских восточных территорий. В первой половине 1920-х гг. поддержкой Министерства иностранных дел Веймарской республики пользовались главным образом украинские организации антипольской ориентации, в особенности Українська військова організація (УВО), а внутри Германии - консервативно-монархическое движение, консолидировавшееся вокруг П.П. Скоропадского.

Приход к власти национал-социалистов означал дальнейшую трансформацию германской внешнеполитической концепции. Хотя в целом «украинский вопрос» продолжал рассматриваться в качестве фактора давления на Польшу, стратегия на завоевание «жизненного пространства» для немецкого народа неминуемо ставила Украину в центр экспансионистских планов Адольфа Гитлера. Гитлер видел решение проблем Германии в колонизации земель России и «подвластных ей пограничных держав» [2, с. 38]. При этом до конца 1930-х гг. у руководства Германии не было четкого понимания того, как следует поступить с украинскими землями. С одной стороны, часто повторялся «ходовой тезис германских геополитиков, которые считали, что для ослабления России от нее необходимо оторвать Украину, которая станет самостоятельным государством, ориентированным на Германию, и всегда будет служить противовесом России», с другой – еще в сентябре 1936 г. на партийном съезде в Нюрнберге фюрер однозначно заявил: «Если бы ... плодородные равнины Украины были в границах Германии, — мы бы имели все» [8, с. 128].

Позиция украинской эмиграции в Германии в середине 1930-х гг. также была двоякой. Но разногласия среди большинства касались не самого факта участия в чужой политической игре, а того, насколько быстро эта игра может приблизить создание независимого и «соборного» (то есть включающего все земли, в то время находившиеся в составе СССР, Польши, Румынии и Чехословакии) украинского государства.

По мере подготовки гитлеровской Германии к войне, в ее отношениях с украинской эмиграцией происходили изменения, к которым применимо определение, данное польской прессой еще зимой 1937 года: «восстановление немецко-украинского пакта 1918 г.» [2, с. 50]. В 1939 г., согласно сведениям Национального отделения МВД Польши, германские политики дали эмиграции понять, что «украинский народ созрел к тому, чтобы получить самостоятельность», и уверили украинцев в своей готовности к оказанию им материальной и моральной помощи, продемонстрировав, таким образом, что «Брестский договор 1918 г. продолжает действовать» [9, с. 73].

Хотя в окружении А. Гитлера были сторонники старого плана, предусматривавшего создание буферного украинского государства в целях сдерживания Москвы, в целом такие планы не соответствовали намерениям и планам фюрера. Гитлер не собирался возвращать Украине независимость: он считал наилучшим для Германии вариантом «создание на оккупированной советской территории колониальных сатрапий» и собирался «разрезать огромный пирог» СССР так, чтобы «во-первых, овладеть им; во-вторых, управлять; в-третьих, эксплуатировать» [4, с. 127-128] без помощи каких-либо союзных государств на этой территории, тем более славянских.

Тем не менее, продемонстрировать это в начале Второй мировой войны и накануне нападения на СССР нацисты не собирались. Наоборот, советские спецслужбы отмечали рост украинофильских настроений. Это помогло поставить на службу Рейху основные учреждения диаспоры, главным образом научные и культурные - «мозга» эмиграции. Характерен в этом отношении пример Украинского научного института в Берлине (УНИ).

Однако профашистский энтузиазм первых военных лет, когда, например, директор УНІ профессор И. Мирчук добровольно участвовал в «польской кампании» 1939 г., будучи офицером-переводчиком и руководя отделом по борьбе со шпионажем, а оуновцы, «как бандеровцы, так и мельниковцы...пропагандировали «освободительную миссию» немцев» [1, с. 37], закончился полным разочарованием. На руководителей ОУН, провозгласивших 30 июня 1941 г. Акт восстановления Украинского Государства, обрушились репрессии. Украинской стороне было четко объяснено, что «германский рейх и германский вермахт не являются ее союзниками» [9, т. 2, с. 351]. Деятельность украинских националистов на оккупированных территориях начали подавлять, а из армии стали отзываться сочувствующих им офицеров. Хотя Берлин продолжал поощрять «вступление украинцев в находившиеся под германским командованием вооруженные формирования» и совместное с вермахтом участие УПА в карательных операциях, действиях против партизан и частей Красной армии [9, т. 2, с. 14, 351].

С 1944 г. украинские националисты безуспешно пытались отмежеваться от Германии и найти более приемлемого союзника в лице Великобритании и США. Они рассчитывали на то, что после разгрома Германии начнется война между СССР и союзниками, которой они смогут воспользоваться более удачно, нежели текущей. Однако в 1944 г. план создания украинского буфера между Россией и «демократической Европой» [9, с. 533-434] еще не интересовал Лондон и Вашингтон.

Таким образом, «украинский вопрос» является проектом использования украинского национального движения с целью ослабления и дезинтеграции России. Этот проект возник в Германии, по всей видимости, в конце 1880-х гг., развивался и уточнялся в течение первого десятилетия XX в. и получил окончательное оформление в 1915-1916 гг. Позже данный проект с некоторыми модификациями, перешел к руководству Веймарской республики, а затем – Третьего рейха и утратил свою актуальность для Германии только после 1945 г. в связи с изменением ее международного статуса. Можно предположить, что в начале XXI в. мы наблюдаем «второе рождение» «украинского вопроса» в качестве ключевого элемента германской внешнеполитической стратегии.

Украинская сторона уже в начале XX в. приняла план создания независимого государства при помощи западноевропейских держав, заинтересованных в создании форпоста против «экспансионизма» России. Основным адептом данного плана стала украинская эмиграция в Германии, Австро-Венгрии и Польше. В зависимости от политической обстановки менялись лишь действующие лица плана, которым украинцы отводили роль освободителя: до 1915 г. эту роль делили Германия и Австро-Венгрия, с 1915 по 1945 гг. ее играла только Германия, после Второй мировой войны она была возложена на США.

Список использованных источников

1. Гогун А.С. Деятельность вооруженных националистических формирований на территории западных областей УССР (1943-1949): дис. ...канд. ист. наук / А.С. Гогун. - СПб.: Северо-западная академия государственной службы, 2005. - 211 с.
2. Косик В.М. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. - Париж - Нью-Йорк - Львів: Українознавча бібліотека НТШ [Наукове товариство ім. Т. Шевченка у Львові], 1993. - 659 с.
3. Кураєв О.О. Український чинник у системі політичних інтересів Відня та Берліна (1848-1914) // Український історичний журнал. - 2006. - №1. - С. 43-61.
4. Малик Я.Й. Україна у міжнародних відносинах ХХ століття. - Львів: Світ, 2004. - 468 с.
5. Нагорная О.С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914-1922). - М.: Новый хронограф, 2010. - 440 с.
6. Семиряга М.И. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. - М.: РОССПЭН, 2000. - 863 с.

7. Скоропадський П.П. Спогади. Кінець 1917 - грудень 1918. - Київ - Філадельфія, 1995. - 495 с.
8. Украинская государственность в XX веке: Историко-политологический анализ. - Киев: Політична думка, 1996. - 448 с.
9. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 тт. / Под ред. А.Н. Артизова. - М.: РОССПЭН, 2012. - 880 с.
10. Armstrong D. Mobilized and Proletarian Diaporas // The American Political Science Review. - 1976. - 20 (2). - P. 393-403.
11. Borowski P. Deutsche Ukrainepolitik 1918 in historische Studien. Hefte 414. - Lübeck - Hamburg: Matthiesen, 1970. - 316 S.
12. Jacobmeyer W. Vom Zwangsarbeiter zum heimatlosen Ausländer: Die Displaced Persons in Westdeutschland, 1945-1951 (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft) (German Edition). 6 Ausgabe. - Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1985. - 323 S.
13. Norden A. Zwischen Berlin und Moskau. - Berlin: Dietz Verlag Berlin, 1954. - 387 S.
14. Fischer F. Germany's Aims in the First World War. - New York: W.W. Norton, 1967. - 652 Pp.

М.А. Агатова

К истории венчания на царство последнего русского императора Николая II и императрицы Александры Федоровны на страницах «Таврических епархиальных ведомостей». (К 120-летию юбилею)

В периодических изданиях Таврической епархии XIX – начале XX веков немало страниц занимали публикации, посвященные разным торжествам при Императорском Дворе. Важнейшими событиями в истории дореволюционной России являлись торжественные церемонии венчания на царство русских царей и императоров. Этим событиям посвящалось большое количество указов, рескриптов, статей, воспоминаний в обязательном порядке печатавшихся в периодических изданиях того времени. Одним из таких известных изданий на территории Крымского полуострова и Юга Российской империи являлись «Таврические епархиальные ведомости» (далее – ТЕВ), выходившие с 1869 – по 1918 год. В этих ведомостях за 1896 год помещались ряд статей, посвященных помазанию на царствование императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

В 2016 году отмечается 120 лет со дня коронации последнего русского императора. В связи с этим, выявленные материалы будут полезны в изучении истории Юга России и истории Российской империи в целом.

Первая статья, под названием «Краткие исторические сведения о коронации русских государей» была напечатана в неофициальном отделе ТЕВ в №18 и подписана псевдонимом Г. П. Далее в №20-21 дается расшифровка инициалов Г.П. – это преподаватель Таврической Духовной семинарии (далее – ТДС) кандидат богословия Григорий Алексеевич Петровский, преподававший всеобщую историю в семинарии с 1877 по 1906 год. [5. с. 948] Примечательно, что в предстоящем году отмечается 110 лет со дня кончины этого видного преподавателя ТДС. Публикация содержала в себе интересную, составленную по историческим источникам, информацию о восхождениях на престол русских государей, начиная от Владимира Мономаха и заканчивая Петром I [1. с.512-524].

Вторая публикация «Слово в день священного венчания на царство Благочестиваго Государя Императора Николая Александровича и Благочестивой Государыни Императрицы Александры Федоровны (14 мая 1896г.)» посвящалась истории обряда помазания и сказана преподавателем, кандидатом богословия, священником Иоанном Тяжеловым перед учащимися женской гимназии в церкви Св. Марии Магдалины. Доклад основывался на исторических источниках известных авторов предшествующих веков [4. с. 576-588].

Несомненный интерес представляет статья без подписи «Празднование священных дней коронации в ТДС» в №20-21. Торжество длилось в семинарии, а также и в других учебных заведениях Тавриды 3 дня, с 14 по 16 мая 1896 года. 14 мая ректор ТДС Архимандрит Порфирий совершил Божественную Литургию и молебен. 15 мая с 10 часов все учебные заведения Симферополя большим крестным ходом прошли с Приютненской (с 1899 года – ул. Пушкина) улице к Загородней площади (ныне бул. Ленина). Там стояла эстрада для выступления священнослужителей и начальствующих лиц. Вокруг располагались войска с флагами и учащиеся Симферопольских учебных заведений с преподавателями. На мероприятии Епископом Мартинианом и Епископом Каширским Михаилом был отслужен благодарственный молебен в честь великого события. Таврический губернатор П.М. Лазарев сказал поздравительное слово. Торжество закончилось выступлением хоров всех учебных заведений. В тот же вечер воспитанники семинарии организовали вокально-музыкальный вечер с чаепитием. 16 мая в главном зале ТДС прошли чтения о торжестве коронации. На слушаниях выступил преподаватель истории Г.А. Петровский с докладом (см. выше), преподаватель священник Александр

Иванов с речью о значении священного коронования. Все закончилось пением хора и громким «ура». В 12 часов того же дня преподаватели и ученики ТДС поздравили Преосвященнейшего Мартиниана, епископа Таврического с возведением в сан Архиепископа, а Епископа Каширского Михаила с орденом Св. Владимира III степени, награжденных в честь коронования императора. Великие дни праздника остались незабываемыми для всех в Таврической духовной семинарии [3. с. 585-588].

Завершает цикл публикаций историко-просветительский очерк преподавателя ТДС священника Александра Иванова, сказанный перед студентами 16 мая, под названием «Речь о значении коронования Русских самодержавных царей» [2. с.588-598].

Обзор и выявление данных публикаций в преддверии юбилея будет полезен и интересен для историков, краеведов и интересующихся историей России дореволюционного периода.

Список источников и литературы:

1. Г.П. Краткие исторические сведения о короновании русских государей// Таврические епархиальные ведомости, 1896. – № 18. – с. 512-524.
2. Иванов А., свящ. Речь о значении коронования Русских самодержавных царей // Таврические епархиальные ведомости, 1896. – №20-21. – с. 588-598.
3. Празднование священных дней коронования в ТДС// Таврические епархиальные ведомости, 1896. – №20-21. – с. 585-588.
4. Тяжелов Иоанн, свящ. Слово в день священного венчания на царство Благочестиваго Государя Императора Николая Александровича и Благочестивой Государыни Императрицы Александры Федоровны (14 мая 1896г.) // Таврические епархиальные ведомости, 1896. – № 20-21. – с. 576-585.
5. Соколов Г. Григорий Алексеевич Петровский, бывший преподаватель ТДС// Таврический церковно-общественный вестник, 1906. – № 25. – с. 948-951.
